

Михаил Тырин

Истукан

*Часть сборника
Истукан (сборник)*

Михаил Тырин

Истукан

«Автор»

Тырин М. Ю.

Истукан / М. Ю. Тырин — «Автор»,

"... – Мужиков... – Меринов тяжело сглотнул. – Должно быть, шибко смекалистые у вас мужики, ежели хотят снаряд от земли поднять и к планетам направить. – Не пойму я, о чем это ты? – О том говорю, что снаряд – не упряжка. Его вожжами не постебаешь. Кто, спрашиваю, этой машиной рулить будет? Купец при этих словах сел как подкошенный..." Рассказ из сборника "Наши в космосе".

© Тырин М. Ю.

© Автор

Михаил Тырин

Истукан

– Хлопоты-хлопоты...

Петр Алексеевич Жбанков отошел от окна кабинета и сел за стол.

– Хлопоты, – повторил он, но в голосе его, несомненно, прозвучало умиротворение.

Помещик Дрожин, находившийся здесь же, только усмехнулся, колыхнув животиком.

– Убей меня, Петр Алексеевич, не пойму я тебя, – сказал он. – На что оно тебе надо? Сдались тебе эти планеты, скажи пожалуйста! Разве тебе мало домашних забот?

– Да как сказать...

– А нечего и говорить! – убежденно заявил помещик. – Товар к тебе со всего света идет, и чего только нет! Фарфор, шелка, лес корабельный даже! Денег – куры не клюют, так небось? И чего тебя на старости лет дурь проняла?

– Да что ты понимаешь... – нахмурился купец Жбанков. – Коль богатеешь – надо расширяться, и весь сказ.

– Да зачем? Или у тебя хлеб на столе не каждый день?

– Я и говорю, не понимаешь, – махнул рукой купец. – Не в хлебе едином суть. Денежки – они работать должны, а не в чулке пылиться. Иначе не купец я буду, а скряга старый.

– Ну, хорошо. Ну, допускаю, деньги должны работать. Ну и пусть себе здесь работают. Снаряди хотя бы корабли – хоть в Голландию, а хоть и по всем европам сразу. Торговых путей в наш век – тьма-тьмущая. Да вот нет, сдалась тебе эта Луна!

– Не Луна, – с досадой мотнул головой Жбанков. – Не Луна – планеты.

– Ну, планеты. Они небось еще и подальше Луны будут. – Да уж конечно. – Петр Алексеевич был раздосадован, что старый приятель не желает его понять и поднимает всю задуму на смех. Он снова вскочил к окну: – Да ты погляди, погляди!

– Я уж глядел, – сказал Дрожин, но все же нехотя поднялся, отставив рюмку с наливкой.

– Гляди в окно, говорю, – воскликнул Жбанков, и глаза его в этот момент загорелись. – Такое строительство, что весь свет собрался. Мужиков по деревням собирал, инженеров с разных городов выписывал. Большое-таки дело делаем!

– Вот и шмякнешься ты с Луны прямо со своим большим делом, – снисходительно хмыкнул помещик, глядя сквозь прозрачное, чисто вымытое служанкой стекло.

Петр Алексеевич не врал: дело под окнами происходило и впрямь великое. Сотни работников, лошадей, повозок окружали исполинскую трубу из не крашенного еще железа, положенную вдоль хозяйского двора. Над двором поднимались дым, метались искры, разносились голоса работающих. На дальнем конце, возле ямы с водой бабы толкли в чанах селитру с углем. Мальчишки, точно обезьяны, облепили забор, наблюдая невиданные приготовления.

– Устроил цирк для всего города, – пробормотал помещик, неохотно соглашаясь, что перед его глазами имеет место быть поистине великое событие, которое сам он никогда бы не поднял. – Неужто сам на такой-то страсти полетишь?

В дверь постучались, а затем в кабинет вошел, прижимая мятую фуражку в животу, инженер Меринов. Он был худой, желтолицый и весь какой-то сам в себе.

– Заходи, Капитон Сергеевич, – добродушно пригласил Жбанков. – Что ты у дверей жмешься, как кучер на балу.

– Это... – сипло проговорил Меринов и закашлял. – Сто двадцать рублей бы надо.

– Зачем? – насторожился купец.

– Это... – Инженер побряхтел, поправил на носу проволочную оправу. – Стекла двойные ставить надо. Иначе никак.

– Да зачем двойные, ежели они и так толстые?! – возмущенно воскликнул Петр Алексеевич. – Ты, брат, по миру меняпустишь со своими придумками.

Инженер достал желтый платок, высморкался, от чего в голове его что-то хрустнуло.

– Это... Двойные бы надо. Чтоб крепче.

– Ну, что с ним делать? – всплеснул руками Жбанков, обращаясь к помещику. – То одно ему, то другое, то пятьдесят рублей, то сто, то двести.

– Ему виднее, пожалуй, – заметил Дрожин, пожимая плечами.

– Безопасность, – тихо пробормотал Меринов.

– Безопасность! – передразнил его купец. – Я и сам знаю про безопасность. Ты мне лучше вот что скажи. – Он покопался в столе и достал порядком истрепанный номер «Ведомостей» за прошлый год. – Вот, слушай. «Готовить снаряд для путешествия к Луне и иным планетам следует таким образом. Взять три бочки, составить их одну над другой, скрепить болтами или скобами. В первую бочку уложить динамиту и всякого прочего пороху, чтоб было чем лететь от Земли. Во второй следует хранить пищевые запасы и багаж, необходимый в дороге. В третьей бочке должен располагаться сам путешествующий. Велите, чтоб горничная поместила туда старых перин и одеял, чтоб смягчить неизбежную при полете тряску и прочие неудобства». Все! – купец отодвинул газету, хлопнув по ней ладонью. – Все, понимаешь? Три бочки да порох с динамитом. А ты мне: стекла, трубочки, кнопочки, краники... Приборов каких-то из Германии выписал...

– Из Германии – только двигатель, – тихо сказал инженер, промокая ноздри платком. – Приборы – английские. А газета эта ваша... Пусть бы тот, кто ее написал, сам в таких бочках и летел.

– Дюже ты грамотный, Капитон Сергеевич. – Жбанков сокрушенно вздохнул, глядя в сторону. – Ладно, что с тобой делать... Иди к хозяйке, возьми у ней денег. Скажешь, я велел дать. Смею надеяться, других непредвиденных расходов ждать не придется?

Инженер, который уже повернулся к двери, вновь обратил свой взор на купца.

– Это... – сказал он, и Жбанков чуть побледнел, выпучив глаза. – Железные полосы, что мы заказывали, на двадцать копеек больше вышли за пуд. И еще... это... Рублей бы, так сказать, пятьсот, чтоб такую штуку приладить... Эдакую, знаете, люльку. Если какая авария случится или воздух из снаряда выйдет, вы на той люльке дальше полетите. Безопасность, одним словом...

– Пятьсо-о-от?! – воскликнул Петр Алексеевич, продолжая таращить глаза. – Да какая ж такая безопасность, что пятьсот рублей может стоить?

– Надо бы сделать, одним словом, – заключил Меринов и одел фуражку, намереваясь уходить.

– Иди, иди, – с досадой махнул рукой купец и покачал головой. – Эх, хлопоты...

Тут он заметил, что помещик смотрит на него как бы с некоторым испугом.

– Ты-то чего переживаешь, Дрожин? – кисло проговорил он. – Дай, я тебе наливочки еще добавлю.

– Слышь, Петр Алексеевич, – проговорил Дрожин, тиская в руках свою рюмку, – не летал бы ты сам, а? Пошли лучше приказчика.

– Да что с тобой?

– Видишь, чего человек говорит? И воздух выйти может, и авария, и стекла тонкие... Не летал бы ты!

– Да ну тебя, право. Нашел, что бояться. Летают же другие – и ничего.

– Не летай, – гнул свое помещик.

– Отстань, говорю. Сказать по совести, я бы и не полетел, но... – Жбанков сел, мечтательно уставившись в потолок. – Хочу, знаешь, поглядеть, чего там.

– Эхма! Нашел чего на старости лет захотеть!

– А чего, по-твоему, я хотеть должен? Вроде все при мне уже есть. И дело, и дом свой, и сыновья взрослые... И авторитет. Теперь – что, теперь надо мир увидеть. Ну, опять же не без пользы для дела. Заодно и торговлю приподнять.

– Э-эх... – махнул рукой Дрожин. – Мир повидать. Эка невидаль! Я вот, когда в полку еще служил, где только не был. И что?

– А то! Ты зря не думай, я на тебя смотрю и замечаю. Тебя что ни спроси – все ты знаешь, что ни скажи – на все у тебя каламбур готов. А откуда оно взялось? Разве ты в своем поместье полную голову историй набрал? Нет, в полку и набрал.

– Да чего там...

– Ты давай не скромничай! Припомни, как у Агаповых про крокодилов сказывал. Все вокруг тебя только и крутились. А у исправника на приеме, помнишь? Только тебя и слушали, как ты с арапами знался и на слонах за вином ездил.

Помещик хмыкнул, польщенный.

– Ну, положим, арапов ты и здесь посмотреть можешь, – изрек он.

– Эвон! – рассмеялся в ответ Жбанков. – Где ж я на них полюбуюсь? Разве мужиков своих сажой напачкать?

– Да ты не ухмыляйся, а, будь добр, доберись до Петербурга. Да погуляй вдоль заграничных ведомств. Там арапы, почитай, каждый час проходят. Смешно сказать: важные, как гуси, а такие чернющие!..

– Ну, уж за этим я в Петербург не поеду. Что я, школяр какой, за басурманами бегать, свистать?

– Дело твое, брат. Подбавь-ка наливочки. А все одно, не летал бы ты сам.

– Сказано, решено.

– А вот посуди: захотелось тебе в дороге, положим, шей похлебать. Как быть?

– Как... Сварить – и все дела.

– Сам варить будешь? Или кухарку с собой возьмешь?

– Ну... Из мужиков хоть один кашеварить сможет, я так думаю.

– Пусть так. А на чем он тебе их варить будет?

– Известное дело: щи завсегда на огне готовили.

– На огне? – Дрожин победно щелкнул пальцами. – Стало быть, и дрова с собой прихватишь? А сколько? Вязанку, две или воз? А куда товар складать станешь?

Петр Алексеевич растерянно моргнул, будучи совсем загнан в тупик таким разговором. Но затем лишь отмахнулся:

– Ну тебя, Дрожин. Мне по торговле соображать надо. А про щи и дрова у меня инженер все знает. Летают же люди и с голоду не мрут.

– Эх, Петр Алексеевич... – вздохнул Дрожин, только головой покачав.

– А в «Ведомостях» сказано, окороков с собой брать и рыбы вяленой, – продолжал оправдываться купец.

Дрожин встал, оправил сюртук.

– Хороша у тебя наливочка, Петр Алексеевич, но пора и честь знать.

– Да посиди, – кисло проговорил Жбанков.

– Покорно благодарствую. Однако опасаясь, без меня в усадьбе мужики вишню пересушат. Вишню я сушу, – пояснил он. – Повезу на продажу. Вишня хорошая в этом году. Не пожелаешь у меня купить?

– А... – махнул рукой купец, – до того ли мне сейчас?

– Как знаешь, Петр Алексеевич. Бывай, значит.

* * *

Последние приготовления завершились раньше чем через месяц. Не откладывая дела в долгий ящик, Жбанков велел инженеру готовить снаряд в дорогу немедленно. Вот тут и состоялся у них один своеобразный разговорчик.

– Это... – проговорил инженер и зашелся гулким кашлем.

– Ну? – невозмутимо отвечал купец.

– Я говорю, на неделе уже отчаливать будете, а с кем лететь собрались?

– А тебе что за дело?

– Ничего, просто надобно знать.

– Ну, положим, Гаврюху беру – приказчика. Мужиков возьму, человек пять, в помощники.

– Мужиков... – Меринов тяжело сглотнул. – Должно быть, шибко смекалистые у вас мужики, ежели хотят снаряд от земли поднять и к планетам направить.

– Не пойму я, о чем это ты?

– О том говорю, что снаряд – не упряжка. Его вожжами не постебаешь. Кто, спрашиваю, этой машиной рулить будет?

Купец при этих словах сел как подкошенный. О главном он и не подумал. В самом деле, следовало брать с собой хоть одного ученого человека, чтоб тот смог найти дорогу и разобраться во всех трубочках и гаечках, что накрутил в огромном количестве инженер Меринов.

– Вот те на... – только и сказал Петр Алексеевич. – И что ты сам на такой счет мыслишь?

– Тут и мыслить нечего, – беспечно ответил инженер. – Требуется пилотов выписывать.

– А, ну так выпишем, – с облегчением рассмеялся Жбанков, радуясь, что вопрос разрешается столь просто.

– Из Англии... – нерешительно добавил Меринов. – Я говорю, надо бы пилотов из Англии.

– Ну, можно и из Англии, – осторожно согласился Жбанков. – А что, непременно оттуда?

– Как есть, непременно. Поскольку снаряд по заграничным приборам полетит, то и...

– Ну... ладно, раз такое дело.

– Можно из Германии, – поспешно уточнил Меринов. – Но из Англии дешевле.

– И намного?

– Может, копеек на десять.

– Ну, невелика разница, – усмехнулся купец.

– Как сказать... Ежели пилотов трое будет – а меньше и невозможно, – то в час на них уже и целых тридцать копеек выйдет. День да ночь – двадцать четыре часа, сами извольте помножить. А лететь вам...

– Постой-постой! – выпучил глаза Жбанков. – Ты говоришь, десять копеек в час? В ЧАС?!!

– Да не десять... По полтора рублика в час нынче англичане просят. А немцы – те и поболее.

– Полтора рубля в час! – пролепетал побледневший купец. – Да как же... Помилуй, Капитон Сергеевич!

– А вы что ж думали? – добродушно усмехнулся инженер и полез за носовым платком.

– Я думал... Ну, может, в день копеек шестьдесят, – растерянно проговорил Петр Алексеевич.

– За шестьдесят копеек извозчика ломового извольте нанимать. Да и тот по нашим временам работать не согласится. А тут – английские пилоты. – Инженер с важностью поднял палец.

– Поди, братец, – торопливо попросил Жбанков, махнув рукой. – Поди на двор. Мне посидеть надо, покумекать.

Когда инженер вышел, Жбанков вскочил и начал возбужденно кружить по кабинету. Известие о заграничных пилотах его поразило. Весь его прожект валился навзничь, как подрубленный. Никаких торговых барышей не хватит, чтоб умерить непомерный аппетит англичан. Однако снаряд уже почти построен и весь город наслышан, что купец Жбанков полетит к планетам. Отменить – потерять и деньги, и уважение. Всякий скажет: «Э-э-э, Жбанков... Что за кисель, а не мужик – весь уезд взбаламутил, деньги потратил, а затем и опростался». Нет, так нельзя. А как тогда?

Петр Алексеевич подошел к окну и посмотрел на гигантский корпус, протянувшийся от колодца до самых конюшен. Он был уже покрашен, и теперь работники выводили на боку большими затейливыми буквами: «Князь Серебряный». Так купец решил окрестить свой летающий транспорт. Жбанков не желал допустить, что такое грандиозное дело пойдет насмарку. Но и платить непомерные деньги иностранцам не собирался.

Через пару минут он завидел внизу рыжие вихры своего приказчика Гаврюхи и немедленно позвал его к себе. Гаврюха – очень молодой, но честный и смекалистый парнишка – быстро поднялся и замер перед купцом в вежливом поклоне.

– Ну, вот что, Гаврюша. Ступай-ка безотлагательно в депо и найди мне троих мужиков, чтоб лететь со мной к планетам. Они хоть не пилоты и не англичане, а все ж к технике касание имеют. Скажи, я обещал по сорок копеек в день платить. Ежели не захотят – сули по пятьдесят. А совсем худо будет – была не была – рупь в день и процент с торговли, кто помогать станет.

Гаврюха кивнул и выскочил за дверь. Он в отличие от инженера Меринова никогда не спорил и всегда выполнял желания господина беспрекословно.

К вечеру он вернулся с хорошими новостями: троих мужиков нашел, и те согласились лететь за пятьдесят копеек. Гаврюха не стал, правда, уведомлять барина, что мужики оказались ему какими-то потерянными и не от мира сего. Иного и ждать не следовало – на подобное безумство согласились те, кто уж и потерять в жизни ничего не мог.

– Завтра утром их ждите, придут, так сказать, для зрительного знакомства, – заключил приказчик, самодовольно улыбаясь. – Смею заверить, отбудете скорее в компании, нежели в одиночестве.

– Как так «отбудете»? – удивился купец. – В каком таком одиночестве? Да ведь ты со мной полетишь. Ты что, Гаврюша? Али я тебе не говорил?

Улыбка у Гаврюхи мигом съехала набекрень, а после этого и вовсе пропала. Он по привычке кивнул, правда, как-то деревянно, и, пятась, выбрался из кабинета, едва не сбив при толку.

– Ишь... – усмехнулся Петр Алексеевич.

В тот же вечер под впечатлением от такой новости Гаврюха напился пьяный и ходил по кабакам, говоря всем, что барин увозит его к планетам. Мужики его жалели, угощали вином и вздыхали, сокрушенно качая головами.

Однако наутро он опять был бодр, весел и услужлив. Гаврюха умел примерно слушать хозяина.

* * *

Как ни был далек день отбытия, а подкрался он быстро и неожиданно. Как-то казалось, что еще далеко, что есть еще время обдумать и подготовиться. Но нет. Проснувшись однажды утром, Жбанков сообразил, что сегодня, и ни днем позже, придется ему покидать дом.

Стоит ли говорить, что начальствовать над пилотами был поставлен инженер Меринов. Жбанкову даже не пришлось его спрашивать. Меринов не спорил, не отчаивался и даже не

порадовался обещанным пятидесяти рублям. Будто чувствовал, что в этом деле до последней минуты без него не обойдутся.

Сами же «пилоты» на купца большого впечатления не произвели. Мужики как мужики. Один – Степан, бывший кузнец из деревни, – большой, широкий, настоящий русский богатырь с бородой. Был он, правда, несколько сгорблен и вечно угрюм. Петр Алексеевич узнал загодя, что у Степана в деревне сгорела изба, а в ней – жена и двое малюток с бабкой. Тот подался от такой беды в город, но и тут не нашел себе утешения. Потому и согласился хоть к планетам, хоть к черту с рогами. Был еще дед Андрей. В его внешности заключалось что-то бестолковое. Вечно он прохаживался, посмеивался, крутил цибарки. Когда все вокруг работали, не мог найти себе дела, если только лбом его в это дело не ткнуть. Однако ж раньше состоял помощником у одного польского кондитера и научился от него кашеварить.

Про третьего мужика, едва лишь на него поглядев, Жбанков подумал: «Бес в нем сидит». Мужика звали Вавила, был он малого росту, с руками и ногами не то чтобы кривыми, но эдакими выгнутыми. Рыжие, чрезвычайно запутанные волосы сидели на нем, словно навозный шлепок, плотно облепливая неровности головы. Выпученные глаза вечно вращались и сверкали, как у зверя, который подыскивает себе закуску из числа окружающих. Похоже, был он человеком задиристым и имел норов крутой.

Как бы там ни было, иных «пилотов» Гаврюха найти не сподобился. А между тем пора было трогаться в дорогу.

Утром, подойдя к окну, Петр Алексеевич почувствовал необычное волнение. Он увидел свой снаряд, возвышавшийся на заречных лугах подобно колокольне. Туда переволокли его накануне на лошадях, причем пришлось делать изрядный крюк по городу: через Мясницкий переулочек напрямую груз не проходил по причине необычной своей длины, а Смоленская улица оказалась перегорожена упавшим два дня назад деревом. Убрать дерево городское начальство еще не успело, но приставило к нему жандарма для избежания нежелательных происшествий.

После девяти часов за речку потянулся народ. Все знали, что купец Жбанков собрался лететь, и всякий желал увидеть это своими глазами, чтобы потом рассказывать знакомым. Издали людишки, окружившие «Князя Серебряного», походили на копошащиеся точки, и всякую минуту их число росло, пополняясь от дорог-ручейков. «Неужели все это я?» – обреченно подумал Петр Алексеевич, видя, как гудит растревоженный город.

Полдесятого заехал Меринов. Был он, как всегда, в своей шинели, носовой платок висел из кармана, и это неприятно задело купца. Ему показалось, что по столь серьезному поводу мог бы человек себя как-то по-другому одеть.

Возле снаряда, куда они подкатали на коляске, народу было как на ярмарке. Не хватало только каруселей и петрушек с дудками. Кроме стариков и мальчишек, можно было заметить и людей солидных, дворян, чиновников. Поговаривали, что даже градоначальник будет следить за отлетом самым внимательным образом из окна своего дома.

Не успел Жбанков соскочить с подножки, как к нему направился учитель по фамилии Семенюка, который очень почтительно поздоровался и затеял разговор:

– Осмелюсь спросить, а не будете ли вы в научных целях фотографии делать?

– Разберемся, – неопределенно ответил Меринов.

– Имею большое желание дать вам с собой в дорогу аппарат для съемки синематографических лент, – продолжал учитель, – но, к большому сожалению, не имею этого аппарата.

Жбанков ответил ему невнятным бормотанием, и учитель поспешил оправдаться.

– Я говорю, к сожалению, не имею такого аппарата. Очень хотелось бы вам его дать, если б был. Но, увы, нет его у меня. И не было никогда. А так – чего бы не дать. Если б был. К величайшему сожалению, не имел случая заполучить или приобрести. Не по карману, знаете ли. А то бы дал.

Жбанков был рад поскорее зайти в снаряд и запереться там. Он чувствовал себя неважно, его отчего-то мелко трясло, в груди то и дело начинал покалывать противный холодок. А сотни обращенных к нему взглядов делали самочувствие и вовсе невыносимым.

– Пойду проверю, все ли на месте, – пробормотал Меринов и оставил купца одного. Вслед за инженером последовал кучер, чтоб затащить в снаряд багаж. Купец посмотрел ему в спину и вдруг страшно огорчился, что какой-то простой мужик заходит вперед него.

Конечно, Петр Алексеевич был в снаряде и раньше, еще в процессе строительства. Внутреннюю обстановку и расположение комнат он нашел вполне удовлетворительной и даже начал прикидывать, где быть гостиной, где кухне, где людской. Однако инженер в тот раз прервал его. Он сказал, что здесь несколько иные требования и подходить с обычными мерками не следует.

Приблизился полицмейстер, помялся немного, не зная, с чего начать разговор.

– На пороже полетите? – поинтересовался он.

– На нем, – ответил купец чуточку раздраженно, прибавив про себя: «Не на курином же помете».

– Я думал, может, на керосине, – сказал полицмейстер. – Пойду, велю пожарную команду позвать. Как бы сено не загорелось.

Подходили еще люди, что-то спрашивали, участливо заглядывали в глаза. Жбанков видел их словно в тумане и отвечал часто невпопад. Однако смог почувствовать, что каждый мнется и жмется, будто пришел не провожать в добрый путь, а соболезнавать. Это ему совсем не понравилось.

Появился инженер. Он коротко сморкнулся в свой желтый платок, затолкал его в карман и проговорил:

– Идемте уже, наверное?

«Идемте...» Словно звал к обеду похлебки откусывать. Жбанков опять рассердился его неуместной будничности. Скучные слова, шинель, да еще этот старый платок... Мог бы хоть платок к случаю новый взять или купить в галантерее.

В последний момент откуда-то выскочил помещик Дрожин.

– Петр Алексеевич, душа моя, думал уж, не успею! – воскликнул он, сжимая купца в объятиях. – Летел сюда, лошадей едва не загнал.

– Да что ты право! – рассердился Жбанков и оттолкнул помещика. – Чай, не на войну провожаешь, а?

Тот ничуть не обиделся.

– Ты давай там... Смотри, чтоб аккуратно. А то, знаешь...

Дрожин, однако, был единственный, кто не конфузился и говорил в полный голос. Это дало купцу толику бодрости.

– Ты, Петр Алексеевич, как полетишь, то про себя думай, что я загадал для нас бутылочку наливки, своей, вишневой. Как вернешься – нарочно для тебя достану, и мы ее с тобой порешим. Верно?

Тут уж растроганный Жбанков сам приобнял его, задержался на миг, хлопая по плечу, а после перекрестился и шагнул в темный провал, зиявший на боку «Князя Серебряного». Тотчас Степан громко захлопнул за ним железную дверцу и накрепко закрутил запорное колесо.

В полутьме, хватаясь за холодные стенки, Жбанков прошел к своей кабине, где ему надлежало существовать до конца путешествия. Саквояж его был уже здесь.

– Ты, барин, сразу ложись на лавку и лежи там, пока не позовут, – сказал Степан хриплым басом. – А мы уж сами покочегарим...

Жбанков нащупал в полутьме широкую койку, обитую мягкими кожаными подушками, и завалился на нее вместе с сапогами. Пахло, как в кузнечной мастерской, а к тому же доносился звон и лязг, словно поблизости катали стальные болванки. Между ударами купец прослышал

какой-то визг, похожий на плач бездомного щеночка. Потом понял – за стеной скулит Гаврюха. Его тоже оставили одного в железной кабинке дожидаться непонятно чего.

А через минуту Петр Алексеевич перестал слышать и железный звон, и Гаврюхины стенания, потому что в снаряде запалили порох.

Все задрожало. Послышалось сперва негромкое ворчание, которое быстро переросло в такой рев, что казалось, сама Земля разлетается на куски. Снаряд уже не дрожал, а трясся всей своей громадой, а рев нарастал, крепчал и не мог остановиться. Жбанков вдруг почувствовал, что сейчас умрет. Грудь стало тяжело, словно на нее насыпали сажень земли, рев рвал уши, уже казалось, что это воют трубы Страшного суда и вопят черти, и Петр Алексеевич сам проклял себя, что законопатился в этой железной могиле и себе, и людям на погибель...

В этот момент ему представилось, как внизу разбегаются ребятишки, напуганные огнем и шумом, как крестятся бабки и разевают беззубые рты старики, роняя слюнявые свои цибарки, и друг его, помещик Дрожин, схватясь за сердце, смотрит на серую железную колокольню, которая изрыгает огонь и тяжело отрывается от ровного поля. Жбанков начал читать про себя: сначала Господу Иисусу, затем Святому Духу и Ангелу-Хранителю, после Животворящему Кресту. Не забыл и Мытаря, и Трисвятое, и даже Хвалебную песнь богородице припомнил.

И тут шум стал утихать. А вместе с тем пришла легкость, очень какая-то странная... «Падаем!» – мелькнуло в голове.

– Падаем! – закричал купец в голос и забился на койке, словно в припадке.

– Полно кричать, барин, – раздался спокойный голос Степана. – Не падаем – летим.

Подумав немного, он с важностью поднял палец и прибавил:

– К планетам летим!

* * *

Все последующие дни Петр Алексеевич привыкал к разным особенностям своего нового положения. Большую часть времени он проводил в своей кабине, на койке. Особенно невыносимо стало на третий день, когда все вокруг принялось летать. Жбанков не стал этому удивляться, потому что читал что-то подобное в «Ведомостях», да и не хотел он удивляться, а был только раздосадован своим неуверенным самочувствием. К лежанке пришлось прикрепляться ремнями, поскольку от каждого шевеления купец подымался в воздух, и если бы кто-то из людей вошел и увидел это, то наверняка про себя бы подумал: «Солидный человек, а висит кверху пузом, что муха».

Гаврюха же, напротив, воспринял возможность полетов с поросычьим восторгом и порхал по коридору, смеясь и играясь. Правда, радость его продолжалась всего-то один день. Потом вернулась желанная тяжесть. Меринов пояснил, что это потому, что идет торможение.

В редкие свои вылазки из кабины Петр Алексеевич видел, как инженер сидит в большой общей зале, в массивном дубовом кресле, обделанном кожей. Перед ним стояла железная тумба с «глазками» и рычагами, за которые Меринов непрестанно дергал. Степан и Вавила были тут же и тоже дергали рычаги или крутили колеса, если приказывал инженер. А дед Андрей обычно проводил свободное от стряпни время под полом, где ползал, что-то подкручивая и подмазывая. Дело было, как понял купец, в общем, нехитрое, и совершенно незачем надеяться на каких-то англичан, когда и сами с усами.

Иногда он слышал, как Вавила ругается с дедом Андреем. Вавила обвинял его в плохой стряпне, говоря при этом, что «такой тухлятиной только глистов морить». Он говорил резко, едко, не произнося слова, а выплевывая их, кривя при этом страшные рожи. Дед всерьез обижался. Он называл Вавилу каторжником и рыжей образиной.

Наконец наступил день, когда Меринов объявил радостное известие.

– Скоро конец дороге, – сказал он. – Идите теперь, Петр Алексеевич, к себе и привяжитесь накрепко, а то будет такая карусель, что немудрено и бока отломать.

Тут он пригнулся и быстро-быстро заговорил непонятными для Жбанкова словами. Купец послушал его, ничегошеньки не понял и решил выяснить.

– Ты о чем это толкуешь? – удивленно спросил он. – Ни слова разобрать не могу.

Меринов растерянно оглянулся. Он полагал, что купец уже внял его совету и удалился в свои покои.

– С планетами говорю, – сказал он и пожал плечами, удивляясь такому нелепому, по его мнению, вопросу.

– Да как же с планетами? – рассмеялся Жбанков.

– Обычное дело, – ответил инженер, не видя причин для веселья. – Надо ж на тамошний вокзал сообщить, что прибываем.

– И они тебя могут слышать? – недоверчиво поинтересовался Петр Алексеевич.

– Так ведь это радио.

– Как ты сказал?

– Да радио! Вот, пожалуйста, я здесь говорю, а они меня там слышат.

Купец приблизился, оглядел деревянную коробку с дырками.

– И что же оно, это радио?

– Что?

– Хорошо, говорю, слышно?

– А послушайте, – Меринов повертел колесико, и Петр Алексеевич своими ушами смог уловить, как бормочут и переговариваются невидимые ему люди, причем слова попадались как знакомые, так и вовсе неизвестные.

– Хе! – Купец с довольной улыбкой погладил бороду. – Взаправду слышно. А что, я могу так и со старухой своей пообщаться?

– Ежели в доме есть радио, то можно и пообщаться, – пожал плечами инженер. – Есть радио-то? Нету, верно...

– А бог его знает, что там есть. Надо у Гаврюхи поинтересоваться. Пойду спрошу.

– Постойте, Петр Алексеевич. Не требуется ходить, – Меринов опять повертел колесо и сказал в деревянную коробку: – Скажи, Гаврила, есть у вас в хозяйстве радио?

– А на что оно нам надо? – донесся глухой, как из бочки, голос Гаврюхи. – У нас граммофон имеется.

– Гаврюха! – не смог сдержать восторга Жбанков. – Ты меня слышишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.